

УДК 94 (510). 08+572.9

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-158-165

Саяна Бауровна Намсараева,
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник,
Центр изучения Монголии и Внутренней Азии
Кэмбриджского университета
(CB2 3RF, Великобритания, Кэмбридж, Здание Монд, Фри Скул Лэйн),
e-mail: sn444@cam.ac.uk

«Договор мира и родства»: о типах альянсных брачных союзов Цинского двора с монголами и китайцами¹

Среди разнообразных брачных отношений, в частности браков по договорённости, особое место занимают браки по «договору мира и родства» (альянсные браки), широко практиковавшиеся между государственными образованиями Центральной Азии и во внешнеполитической практике императорского Китая в отношениях со степными народами. Данная статья не только описывает альянсные браки, заключавшиеся между правящим маньчжурским домом династии Цин (1644–1911) с монголами и китайцами, но и представляет первые прецеденты браков *хэцин*, их типологию и социально-политические условия, под влиянием которых они заключались.

Методы исторической антропологии позволяют проанализировать обширный исторический материал под призмой классических теорий социальной антропологии о принадлежности к родовой группе по мужской или женской линии (*descent theory*) и теории брачных альянсов (*alliance theory*) Леви-Стросса, чтобы объяснить возникший дисбаланс между двумя типами брачных союзов, когда в отношениях со степными народами правящие династии Китая чаще выступали стороной, дающей невест (тип брака «уход из двorca»), нежели стороной, берущей невест (тип брака «приход во дворец»). По мнению автора, этот дисбаланс был обусловлен разными традициями престолонаследия в рамках патрилинейного родства у китайцев и народов Центральной Азии и отражает сложное переплетение влияний различных норм китайского, монгольского и тунгусо-маньчжурского родства в подобных альянсных браках.

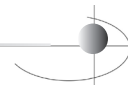
Ключевые слова: хэцин, договор мира и родства, Цинская империя, маньчжуро-монгольские и маньчжуро-китайские брачные альянсы, теория альянса Леви-Стросса

Введение. Междисциплинарный характер современных гуманитарных исследований, в частности возникновение исторической антропологии как нового научного направления, дают дополнительные возможности для новых интерпретаций обширного исторического материала под углом антропологических теорий. Это позволяет предпринять реконструкции жизни разных исторических сообществ, обращая внимание на их родственные и соседские связи, на особенности принципов их межэтнических коммуникаций. Пожалуй, одной из наиболее успешных попыток подобных историко-этнографических интерпретаций стало создание нового направления в изучении истории Цинской империи, известного как «новая Цинская история» (“The New Qing History”) Гарвардской школы, которая вместо привычной «китаецентристской» модели описания династии Цин предлагает альтернативную «полицентричную» модель изучения Цинской империи с основным упором на этническую историю маньчжуров и монголов и особенности управления многочисленными народами империи. В частности, «этнический» взгляд на историю Цинской империи даёт возможность выявить особенности маньчжуро-монгольского военного альянса и роль альянсных браков маньчжуров с другими народами при построении империи.

Методология и методы исследования. Представленная статья не только описывает альянсные браки, заключавшиеся между правящим маньчжурским домом династии Цин (1644–1911) с монголами и китайцами, но и предпринимает попытку объяснить альянсные браки с точки зрения классических теорий социальной антропологии о принадлежности к родовой группе по мужской или женской линии (*descent theory*) и теории брачных альянсов (*alliance theory*) Леви-Стросса. В рамках данной статьи автор также приводит доводы в пользу центральноазиатской версии происхождения альянсных брачных союзов, что ставит под сомнение доминирующую версию

Представленная статья не только описывает альянсные браки, заключавшиеся между правящим маньчжурским домом династии Цин (1644–1911) с монголами и китайцами, но и предпринимает попытку объяснить альянсные браки с точки зрения классических теорий социальной антропологии о принадлежности к родовой группе по мужской или женской линии (*descent theory*) и теории брачных альянсов (*alliance theory*) Леви-Стросса. В рамках данной статьи автор также приводит доводы в пользу центральноазиатской версии происхождения альянсных брачных союзов, что ставит под сомнение доминирующую версию

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России, проект № XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии» № АААА-А17-117021310264-4 (“Intercultural relationships, ethnic and sociopolitical processes in Central Asia”).

в отечественном и зарубежном востоковедении о китайском происхождении этой политической практики.

Результаты исследования и их обсуждение. Знакомство с отечественными публикациями, посвящёнными взаимоотношениям кочевого мира с оседлым земледельческим Китаем (Кычанов, 1997; Крадин, 1996; Крюков и др., 1983; Таскин, 1980; Гумилёв, 1960 и др.) оставляет впечатление, что *хэцинь* (договор мира и родства) стал новаторской стратегией именно китайского двора в отношениях с кочевыми народами. Этому мнению способствует и то, что основные сведения об альянсных браках между китайским двором и кочевыми народами по большей части представлены китайскими источниками, которые, естественно, представляют «прокитайскую» версию событий. Однако анализ этих браков по их типам («во дворец» и «из дворца») выявляет иные аспекты альянсных браков благодаря существовавшей разнице в правилах престолонаследия у кочевых народов и китайцев. Поэтому представляется более верной версия о большем распространении альянсных браков именно среди кочевых народов Центральной Азии, тем более что этнографический материал о кочевых народах Ближнего Востока и Африки проанализирован в социальной антропологии в виде «теории альянсов» Леви Стросса 1949 года в его работе «Элементарные структуры родства» [17], также подтверждает это предположение.

Договоры мира и родства в практике центрально-азиатских народов. Исторически в политической практике народов Центральной Азии между соседскими территориальными группами или государственными образованиями широко применялась практика закрепления мирного договора или военно-политического союза путём заключения так называемого альянсного брака, когда обе стороны, представленные правящими семьями, заключали брак между своими отпрысками. Таким образом, действенность политического договора дополнительно укреплялась узами кровно-родственных отношений, и мирный договор переходил из сферы политических отношений в сферу иерархии семейно-родственных отношений. В этом смысле альянсные браки как способ регулирования властных отношений был индикативен: и частота, и количество заключённых «договоров мира и родства» свидетельствовали о сложных социально-политических процессах и изменении баланса сил, происходивших в тот

или иной отрезок времени, на той или иной территории.

Благодаря прежде всего китайским письменным источникам можно судить о наиболее ранних политически значимых прецедентах альянсных браков, скрепивших мир между противоборствующими сторонами. Так, в истории раннего Китая альянсные браки, начиная с династии Хань, назывались *хэцинь* (和亲), что обычно в русскоязычной синологической литературе переводят как «договор мира и родства»¹, хотя китайские историки также называют подобного рода политические браки как *хэфань* (和番) – «договор мира с варварами», где под ролью «варваров» согласно китаецентристской модели мироустройства подразумевались все народы периферийных земель, окружавших Среднее государство [8]. Так, первым альянсным браком в династийной истории считается брачный союз основателя династии Хань, первого императора Лю Бана (девиз правления Гаоцзу 202–195 г. до н. э.), заключённый в 198 году до н. э. с хуннами, когда Лю Бан выдал свою старшую дочь замуж за хунского *шанюя* (вождя) Модэ после серии неудачных попыток отразить атаки хуннов [13]. По преданию, этот спасительный выход был предложен Лю Бану его советником Люй Цзином (娄敬) как способ выйти из военного кризиса, используя универсальные нормы породнения и родства. Сделав Модэ зятем, китайский император превращался в представителя старшего поколения отцов, а именно – тестя, которому зять по всем законам родства должен оказывать знаки уважения и не проявлять агрессию. Расчёт также заключался в том, что по патрилинейным правилам родства сын Модэ, рождённый в этом браке, как будущий правитель хуннов одновременно являлся внуком китайского императора и входил бы в иерархию кровных родственников по второстепенной женской линии, считавшейся «внешней» линией (外)², переместившись в родственной субординации в поколение внуков, несмотря на свой царственный статус³.

¹ См.: Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

² Китайская терминология родства как раз отражает «отчуждение» детей дочери как уже принадлежащих другому роду – роду зятя. Эти внуки называются «внешние внуки» (外孫女).

³ Сыма Цянь в Исторических записках (Ши цзи) описал эту ситуацию подобным образом: «Пока Модэ жив, он, разумеется, будет вашим зятем, а после его смерти *шаньюем* станет сын вашей дочери. А разве когда-нибудь было видано, чтобы внук относился к деду как к равному? [Так] можно без войны постепенно превратить [сюнну] в своих слуг» [9, с. 72].

По представлению китайцев, этот брак означал превращение Модэ из равного политического актора и более сильного военного соперника¹ в подчинённого младшего родственника в соответствии с универсальной системой родовой иерархии, сформулированной в Китае в виде конфуцианского культа предков. В последующие десятилетия императорский двор активно манипулировал альянсными браками, например, отдавая китайских принцесс усуням – соперникам хуннов, чтобы ослабить влияние хунских жён правителей усуней, сбалансировав их «прокитайской» партией внутри двора, чтобы усунни не вступали в коалицию с хуннами против династии Хань.

Важно заметить, что изначально подобные союзы между китайским двором и соседними правителями заключались по следующей модели: девушка из императорской семьи (как правило, родственницу из младшей ветви императорской семьи или фиктивную специально «удочерённую» для этой цели из числа семей придворных²) выдавали замуж за «варварского» владыку, тем самым превратив политического оппонента в породнённого союзника. Типологически этот брак в китайской историографии назывался «уход из дворца» (出朝廷). Богатое приданое невесты, впрочем, как и саму девушку, можно было считать либо выплатой дани-приданого, компенсацией за «фиктивность» невесты, либо «даром» семье жениха, если принять во внимание высокородный статус невесты. С точки зрения китайской стратегии эта политическая практика чаще всего применялась под давлением обстоятельств, когда одна из сторон во избежание военного разрешения конфликта предпочитала заключить прагматичное примирение. Последовавшие китайские и некитайские династии Китая с разной периодичностью также прибегали к альянсным бракам со своими соседями: начиная с династии Хань по конец правления династии Тан всего было заключено более шестидесяти подобных союзов [19]. При этом, по подсчётам авторитетной исследовательницы Дженни-

¹ Хуннский Модэ в последующие годы получил в жёны ещё две китайские принцессы (в 192 г. до н. э. и в 176 г. до н. э.) от последующих ханьских императоров. Всего было заключено более десяти браков с хунскими правителями и их соседями усунями [19].

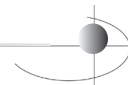
² Тайваньский историк Пан Ихун, ссылаясь на династийную историю Ханьшу, считает, что первая китайская принцесса, выданная замуж за Модэ, на самом деле была фиктивной, так как император Лю Бан «не захотел» огорчить свою императрицу Люй, отдав свою родную дочь варварам [19, с. 97].

фер Холмгрен, некитайские династии³ чаще прибегали к заключению альянсных браков со своими соседями, делая важный вывод, что «договоры мира и родства» были больше характерны для отношений между кочевыми народами Центральной Азии, нежели китайцами, и что китайцы лишь адаптировали практику центрально азиатских народов для своих целей [16]. Пан Ихун также согласен с центральноазиатским происхождением практики «договора мира и родства», уточняя, что китайцы взяли её на вооружение, подметив одну особенность социального устройства хуннов, а именно – более самостоятельную роль женщины в семейных отношениях и право жён/вдов их правителей участвовать в выборе наследника [19, с. 124]. Китайская принцесса в роли супруги/одной из супругов степного правителя становилась не только источником китайского влияния при его дворе, а также «глазами и ушами» империи.

Тип брака «во дворец», или привод невестки в императорскую семью. Браки второго типа, связанные с «приходом во дворец» (进朝廷) родовитой невестки из числа влиятельных/правлящих семей соседних народов в императорскую семью, встречаются в династийной истории Китая гораздо реже, чем альянсные браки первого типа. Пан Ихун приводит в пример первый подобный брак между Танской династией и Уйгурским каганатом в 750 году, когда принц из правящего дома Ли взял в жёны родственницу уйгурского кагана, специально удочерённую для этой цели. Политическая необходимость в заключении подобного альянса диктовалась задачей создания военного альянса танского двора с уйгурами для подавления восстания Ань Лушана, угрожавшего правлению династии Тан.

В истории маньчжурской династии Цин также были широко распространены альянсные браки с монголами и китайцами, особенно в период активных завоевательных кампаний, однако среди более чем шести ста альянсных браков лишь 163 являлись браками второго типа с приводом монгольской невестки (чаще всего из южномонгольских княжеств) в жёны мужчинам правящего рода Айсингиоро [8]. Такое большое количество альянсных браков второго типа (во дворец) объясняется тем, что у маньчжурских пра-

³ Некитайские династии Китая: Северная Вэй (династия сяньби, 386–534 гг.), поздняя Тан (государство тюрок-шато, 923–936 гг.), Ляо (государство киданей, 907–1125 гг.), династия Цзинь (государство чжурчженей, 1115–1234 гг.), династия Си Ся (государство тангутов, 990–1227) и династия Юань (государство монголов, 1260–1368 гг.).

вителей, впрочем как и у кочевой аристократии центральноазиатских народов, была распространена полигиния (многожёнство), когда все жёны имели практически равный статус. Набор жён маньчжурских правителей отражал широкий круг союзников, в альянсе с которыми на определённых этапах нуждались маньчжуры. Так, на этапе объединения чжурчженских племён у Нурхацы из 14 жён – 12 было из числа различных чжурчженских родов, 5 – из хорчинских родов южных монголов, как соседствующей территориальной группы [11]. У Абахая (Хунтайчи девизы правления Тяньцун с 1626–1636 гг. и Чундэ – с 1636–1643 гг.) на этапе основания маньчжурской государственности из 9 жён – 6 были монголки, что отражало широкий военный альянс с южными монголами на этапе первых завоеваний на территории собственно Китая.

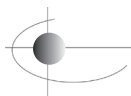
С началом военных действий с армией династии Мин и ростом китайских солдат в знаменной армии маньчжуров, объединённых в специальные «зелёные» знамёна, император Фулинь (девиз правления Шуньчи 1643–1661 гг.) велит разрешить браки между маньчжурками и знаменными китайцами, равно как и браки знаменных маньчжуров с китайцами из числа китайских знаменных войск [22]. Следуя своему указу, Фулинь, сам, будучи рождённым от монгольской матери, к имеющимся 32 жёнам (из которых девять были монголки) взял в жёны ещё двух китайок из семей высокопоставленных китайских генералов, перешедших на сторону маньчжуров. На этапе административного обустройства империи, нуждаясь в поддержке китайской бюрократической элиты, император Сюанье (девиз правления Канси 1661–1722 гг.) взял к себе в покои дочь высокопоставленного китайского чиновника Ван Гуочжена в дополнение к маньчжурским и монгольским жёнам, коих у него было две из рода хорчин. Впрочем, время широких альянсных браков вскоре подошло к концу, и с середины XVIII века император Хунли (девиз правления Цянлун) запретил вначале браки с приводом китайской невестки в род Айсингиоро, а затем и браки маньчжурок с китайскими знаменными военными служащими во избежание «разбавления» маньчжурской крови, пытаясь сохранить свой народ в «исконном маньчжурском образе жизни», – Марк Элиот назвал эту этнозащитную политику «The Old Manchu Way». Однако среди эндогамных браков – внутри своей группы близких маньчжурских родов – браки с монголками как народа, похожего по образу жизни на «исконный маньчжурский

образ жизни» всё ещё практиковались, но их стало гораздо меньше. Начиная с императора Хунли, у всех последующих императоров было лишь по одной монгольской жене¹.

Дискуссия о родстве, многожёнстве и престолонаследии. Явная диспропорция между количеством альянсных браков первого и второго типа в отношениях степных народов с императорским двором, когда императоры на китайском троне избегали брать «степных» жён, предпочитая отдавать своих родственниц замуж за степных правителей, пожалуй, можно объяснить разными представлениями о родстве и престолонаследии у китайцев и у степных народов. И кочевые народы, и китайцы в целом придерживались патрилинейной системы родства, когда счёт родства вёлся от отца к сыну по нисходящей линии (*patrilineal descent line*²), однако в патрилинейной преемственности существовали свои особенности. К примеру, в Китае по патрилинейному первородству основным наследником становился старший сын, рождённый в моногамном браке. Другие женщины семьи из числа наложниц и служанок не имели статуса законной жены и были лишены многих имущественных и наследных прав. Императорская семья также придерживалась моногамной модели семьи, когда императрица могла быть только одна. Вторая императрица могла появиться только в случае бесплодия первой жены, однако второй брак не умалял статуса первой жены. Все дети, рождённые от других женщин императора, должны были почитать императрицу как свою мать. По этой системе только первый сын от императрицы мог претендовать на престол, а сыновья от наложниц и служанок имели меньше прав на наследование, а порой и просто исключались из списка кандидатов на престол ввиду низкого статуса матери. Поэтому китайские правители, как правило, не могли брать в жёны дочерей степных правителей, так как были уже женаты и не могли представить в роли законного наследника сына, рождённого от смешанного брака. Тот, практически единственный случай, когда принц из правящего дома Ли династии Тан взял в жёны родственницу уйгурского кагана в 750 году, был допустим, так как этот принц не был из числа

¹ Бао Юйчжу [7, с. 138].

² Patrilineal descent line прослеживает принадлежность к родовой группе по отцовской линии, когда членство в родовой группе передаётся через родовые связи по мужской линии. В социальной антропологии теория десцента стала одним из методов изучения структуры родства у разных народов и правил поселения, правил наследования имущества и преемственности наследственного статуса и титула – вождя, короля и т. д.

претендентов на престол и был практически «фиктивным» принцем, равно как и его уйгурская невеста была «фиктивной» принцессой.

У степных народов при той же патрилинейной системе наследования от отца к сыну существовала одна особенность – наследный титул правителя (хана, кагана и т. д.) передавался не обязательно старшему сыну, но самому способному из сыновей, невзирая на старшинство по рождению и статус матери потенциального наследника – была ли она женой, наложницей или служанкой при дворе. Поэтому разница в статусах женщин гарема была минимальной, и эти отношения можно назвать как полигамные. Сын каждой из этих женщин, невзирая на их статус (жены, наложницы или служанки), мог стать правителем и возвеличить свою мать. Например, престолонаследником Нурхаца по его выбору стал его восьмой сын Абахай. Такая форма престолонаследия хотя и порождала соперничество между сыновьями, доводившее порой до братоубийства, но она обеспечивала переход власти в руки самого сильного и деятельного претендента, способного быть харизматичным вождём, порой даже в обход мнения отца. К примеру, у императора Сюанье было 25 сыновей от жён, наложниц и служанок, и при жизни он выбрал семерых из них в качестве потенциальных преемников. В конце концов, он сделал выбор в пользу четвёртого сына Инчжэна (девиз правления Юнчжэна 1678–1735 гг.), который практически всё время провёл в военных походах, был далёк от дворцовых интриг между наследниками и даже не считался любимым сыном [20].

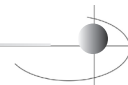
По системе родства многих кочевых народов Внутренней Азии представители одной родовой группы регулярно обмениваются женщинами в качестве дара с другими группами. Это могли быть родственные, соседствующие территориальные группы или политические союзники, а обмен женщинами мог носить временный характер или постоянный характер, когда одна родовая группа/народ становилась «родом, дающим невест», а другая родовая группа «родом женихов», как у тунгусов Маньчжурии, судя по описанию Сергея Широкогогорова [21]. Французский антрополог Леви Стросс назвал эту систему родства теорией альянсов (*alliance theory*), когда мужчины одной родовой группы во избежание инцеста (женитьба на сестре) обмениваются женщин своей родовой группы на женщин другого рода, тем самым вступая в реципрокные (*reciprocal*) взаимообменные связи с другим родом. Леви Стросс заметил,

что «обменным союзам» сопутствует иерархия в статусах, когда группа, «дающая жён», оказывается выше тех, кто жён принимает, или наоборот [17]. Так, у некоторых народов, практикующих передачу калыма, зачастую зять вступал в долговые отношения и должен был отработать калым родителям невесты, перейдя к ним в услужение¹.

В случае с альянсными браками маньчжуров и монголов, когда монголы чаще становились «зятьями», подобные браки фиксировали их зависимое положение от маньчжуров [12; 15]. Новая социальная группа «зятьёв» из числа монгольской военной знаменной элиты женатых на знатных маньчжурках на службе маньчжурского императора получила название *тавнан*, или *эфу* (额驸). Несмотря на то, что маньчжурки выходили замуж (из дворца) и покидали императорский двор, они всё равно пожизненно оставались членами семьи Айсингиоро с сохранением высокого титула и, пожалуй, самого главного – прежнего денежного довольствия, выплачиваемого Дворцовым управлением. Мало того, дети, рождённые от подобного брака, также становились членами императорской семьи – родственниками по линии матери. Это приводило к усилению рода матери и большому влиянию мужчин рода матери (монг.-маньчж. *нагасанар*), связанному с обязательствами и привилегиями дяди с материнской стороны и его высоким статусом по отношению к сестринным детям, что в социальной антропологии получило название «аванкулатные отношения» [6; 18]. Это в целом не противоречило законам маньчжурского и монгольского патрилинейного родства, так как обычно счёт родства ведётся билатерально (родство по линии матери и отца), но отпрыски *тавнанов* испытывали чрезмерно большое влияние и покровительство своих *нагасанар* – мужчин рода своих маньчжурских матерей.

По всей видимости, именно разные нормы престолонаследия в патрилинейном родстве стали причиной дисбаланса в альянсных браках между браками типа «приход во дворец» и «уход из дворца» между китайским двором и степными правителями. Китайцы обращали внимание в родстве на патрили-

¹ Классическим примером подобного рода статусной иерархии в альянсном браке считаются бирманские горные качины, которых изучал Эдмунд Лич. Их брачная система подразумевала, что родовая группа, предоставлявшая жену (*мауи*), была выше статусом, чем родовые группы, получавшие жену (*дама*). И эта связь подтверждалась тем, что калым нужно было «выплачивать» в течение многих лет. Мужчина, следовательно, имел более низкий статус, чем его тесть и теща, что выражалось в продолжительных долговых отношениях [18].

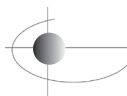
нейную преемственность и иерархию родства, а степные народы видели брак как один из методов построения широких горизонтальных связей и коалиций в дополнение к практике ритуального родства – «побратимства» (*аньда*). Поэтому, видимо, хунны и другие степные народы не придавали особого значения тому, являлась ли китайская принцесса настоящей или фиктивной, для них факт обмена женщинами состоялся, в результате которого китайский император стал породнённым побратимом и вступил в реципрокные (*reciprocal*) взаимообменные отношения. Однако, когда хунну хотели продолжить обмен женами и предложить своих женщин китайскому двору, китайский двор, как правило, отказывал. Джанет Холмгерн даёт много примеров из истории раннего Китая в отношении не только с хуннами, но и Вьетнамом и Кореей, когда брак «приводе невестки во дворец» обсуждался дипломатически, но никогда не свершался [16].

Заключение. Китайцы адаптировали практику альянсных браков центрально-азиатских народов для нейтрализации кочевников на северных границах своей империи,

однако они использовали альянсный брак лишь в случаях, когда это не противоречило китайскому праву первородного наследства по патриархальной линии. Степные народы, напротив, использовали брачные альянсы для построения широких коалиций и военно-политических союзов. Именно поэтому китайские источники зафиксировали наибольшее количество альянсных браков первого и второго типа именно в периоды правления не китайских «варварских» династий на китайском престоле. Альянсные браки, получившие наибольшее распространение в период правления последней династии Цин, широко использовались маньчжурами для построения империи как полиэтничного государства и стабилизации маньчжурского господства в империи с помощью военной и бюрократической элиты монголов и китайцев. Маньчжурские императоры создали и управляли полиэтничным государством, огромной империей с протяжёнными окраинными землями и пограничными территориями и не могли бы справиться с этой задачей без опоры на местные народы, ради сотрудничества с которыми и заключались и брачные союзы.

Список литературы

1. Гумилёв Л. Н. Хунны в Китае: три века войны Китая со степными народами. М.: Наука, 1974. 260 с.
2. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в. / транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.
3. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
4. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 321 с.
5. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну / пер., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1989. 297 с.
6. Намсараева С. Б. Кто такие «Русский нагаса» и «монгольский зээ»: аванкулат как метафора для выражения социального родства и неравенства у бурят // *Tartaria Magna*. 2012. № 2. С. 98–127.
7. Бао Юйчжу (монг. Хасыбагэнь). Циндай мэньгуцу шэхуэй чжуаньсин цзи юйянь цзяоюй. 寶玉柱. 清代蒙古社會轉型及語言教育。= Изменения в монгольском обществе в период правления династии Цин и языковая политика по отношению к монгольскому языку. Пекин: Миньцзу, 2003. 517 с.
8. Ду Цзяцзи. Цинчао Мань-Мэн ляннинь янцзю. 杜家驥。清朝滿蒙聯姻研究。Маньчжуро-Монгольские брачные альянсы периода правления династии Цин. Пекин: Жэньминь, 2000. 702 с.
9. Сыма Цянь. Ши цзи. Исторические записки [Электронный ресурс] / пер. В. С. Таскина // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1. 177 с. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/pril3.phtml (дата обращения: 10.02.2018).
10. Хэ Бэньфан. Чжунго гунтин чжиши цидянь. 何本方。中国宫廷知识词典。= Энциклопедия дворцовой жизни Китая. Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо, 1989. 1186 с.
11. Цюй Миндэ. Чжунго гудай хэцинь ши. 崔明德。中国古代和亲史。= История браков хэцинь в древнем Китае. Пекин: Жэньминь, 2005. 782 с.
12. Bulag U. *The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 320 p.
13. Cosmo N. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 380 p.
14. Cosmo N. & Dalizhabu B. *Manchu-Mongol Relations on the Eve of the Qing Conquest: A Documentary History*. Brill, 2003. 246 p.
15. Jagchid S. *Mongolian Manchu Inter-marriage in the Ch'ing Period* // *Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn*. 1986. No. 19. Pp. 68–87.

16. Holmgren J. Imperial Marriage in the Native Chinese and Non-Han State, Han to Ming/ Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey [eds]. Marriage and Inequality in Chinese Society. Berkeley: University of California Press, 1991. Pp. 58–96.
17. Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship / ed. R. Needham; transl. J. H. Bell, J. R. von Sturmer & R. Needham. Boston: Beacon Press, 1949 [1969]. 586 p.
18. Lich E. Concerning Trobriand Clans and the Kinship Category 'Tabu'. 1958 [2004] / Parkin & Stone [eds.] // Kinship and family. Oxford: Blackwell, 2004. Pp. 158–75.
19. Pan Yihong. Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through T'ang // Asia Major. 1997. 3rd Series. Vol. 10, No. 1/2. Pp. 95–131.
20. Rawsky E. S. Qing Imperial marriage and Problems of Rulership/ Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey [eds] // Marriage and Inequality in Chinese Society. California: University of California Press, 1991. Pp. 170–203.
21. Shirokogoroff S. Psychomental complex of the Tungus. Berlin: Schletzer, 1935 [1999].
22. Wang Sh. Qing Imperial Women: Empresses, Concubines and Asin Gioro Daughters / Anne Walthall [eds.] // Servants of The Dynasty: Palace Women in World History. University of California Press. Berkley; Los Angeles; London, 2008. Pp. 137–158.
23. Yue Du, Legal Justice in Eighteenth-Century Mongolia: Gender, Ethnicity, and Politics in the Manchu-Mongol Marriage Alliance // Late Imperial China. 2016. Vol. 37. Pp. 1–40.

Статья поступила в редакцию 24.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Намсараева С. Б. «Договор мира и родства»: о типах альянсных брачных союзов Цинского двора с монголами и китайцами // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 158–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-158-165.

Sayana B. Namsaraeva,
Candidate of History, Associate Professor,
Mongolia & Inner Asia Studies Unit,
Department of Social Anthropology
(The Mond Building, Free School Lane
Cambridge, CB2 3RF, UK),
e-mail: sn444@cam.ac.uk

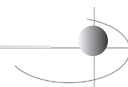
Typology of *Heqin* Marriage Alliances: Manchu-Chinese and Manchu-Mongol Marriages during the Qing Dynasty

Marriage relations involve various types of arranged marriages, among which the so-called *heqin* marriage alliances refer to historical practice of building peaceful relations between China and neighboring Inner Asian states through the marriage. My contribution considers not only marriage alliances between the ruling of Manchu's Qing Dynasty (1644–1911) with the Mongols and the Chinese, but also suggests an analytical frame to systematize these marriages into two groups as “brides giving” and “brides receiving” marriage alliances to show a vivid unbalance in numbers between these types of marriages. To explain this unbalance, I use research methods developed by social anthropology, namely descent theory and alliance theory, to show ambiguity of kin relatedness, kinship hierarchy and inheritance rights in Chinese, Mongolian and Manchu-Tungus kinship. This analysis undermines a widespread view of Chinese origin of the *heqin* marriages in favor of Inner Asian origin of marriage alliances strategy.

Keywords: *heqin* marriage alliances, Qing Dynasty, Manchu-Mongol and Manchu-Chinese marriages, anthropology of kinship, alliance theory by Claude Lévi-Strauss

References

1. Gumilev, L. N. The Huns in China: The Three Centuries of China's Wars with the Huns. Moscow: Nauka, 1974. (In Rus.)
2. Ikh Tsaaz (The Great Code). Literature monument of the Mongol Feudal Law of the 17th century / S. D. Dylykov (transliteration, translation, introduction and comments) Moscow: Nauka, 1981. (In Rus.)
3. Kryukov, M. B., Malyavin, Sofronov, M. V. The Chinese on the edge of the Middle Ages. Moscow: Nauka, 1979. (In Rus.)
4. Kychanov, E. I. Nomadic states from the Huns to the Manchus. Moscow: Oriental Literature, 1997. (In Rus.)
5. Documental History of Nomadic peoples in China from the 3rd–5th centuries. Issue 1. The Huns / V. S. Taskin (ed., translation and comments). Moscow: Nauka, 1989. (In Rus.)

6. Namsaraeva, S. B. Who are a 'Russian nagasa' and a "Mongol zee'?: Metaphorical use of avascular terminology among Buryats to express social inequality and relatedness. *Tartaria Magna*, no. 2, pp. 98–127, 2012. (In Rus.)
7. 寶玉柱。清代蒙古族社會轉型及語言教育。 Bao Yuzhu. Research on changes in Mongolian society and language teaching during the Qing. Beijing: Minzu chubanshe, 2003. (In Chin.)
8. 杜家驥。清朝滿蒙聯姻研究。 Manchu-Mongol alliance marriages. Beijing: Renmin chubanshe, 2000. (In Chin.)
9. Sima Qian. Shi ji. [Historical Records]. In V.S.Taskin (ed., translation). Documental History of the Huns based on Chinese sources. Issue 1. Moscow: Nauka, 1968. Web. 10.04.2018. [http:// www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/pril3.phtml](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/Mat_sunnu_1/pril3.phtml) on. (In Chin.)
10. 何本方。 中国 宫廷 知识 词典。 He Benfang. Encyclopedia of the Imperial Palace Life. Beijing: Zhungguo guoji guangbo chubanshe, 1989. (In Chin.)
11. 崔明德。 中国古代和亲史。 Qui Minde. History of hegin marriages in Ancient China. Beijing: Renmin chubanshe, 2005. (In Chin.)
12. Bulag, U. The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity. Rowman & Littlefield Publishers, 2002. (In Engl.)
13. Cosmo, N. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge University Press, 2004. (In Engl.)
14. Cosmo, Nicola & Dalizhabu Bao. Manchu-Mongol Relations on the Eve of the Qing Conquest: A Documentary History. Brill, 2003. (In Engl.)
15. Jagchid, Sechin. Mongolian Manchu Intermarriage in the Ch'ing Period. *Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn* 19, pp. 68–87, 1986. (In Engl.)
16. Holmgren, Jennifer. Imperial Marriage in the Native Chinese and Non-Han State, Han to Ming in Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey (eds). *Marriage and Inequality in Chinese Society*. Berkeley: University of California Press, 1991: 58–96. (In Engl.)
17. Lévi-Strauss, Claude. *The Elementary Structures of Kinship*. (Ed. R. Needham, transl. J. H. Bell, J. R. von Sturmer & R. Needham.) Boston (MA): Beacon Press. 1949 [1969]. (In Engl.)
18. Lich, E. Concerning Trobriand Clans and the Kinship Category 'Tabu'. 1958 [2004] In Parkin & Stone (eds.) *Kinship and family/ Parkin & Stone (eds.)*. Oxford: Blackwell, 2004:158–75. (In Engl.)
19. Pan Yihong. Marriage Alliances and Chinese Princesses in International Politics from Han through T'ang. *Asia Major*, 3rd Series, vol. 10, no.1/2, pp. 95–131, 1997. (In Engl.)
20. Rawsky, Evelyn S. Qing Imperial marriage and Problems of Rulership in Rubie Watson & Patricia Buckley Ebrey (eds). *Marriage and Inequality in Chinese Society*. University of California Press, 1991: 170 – 203. (In Engl.)
21. Shirokogoroff S. *Psychomental complex of the Tungus*. Berlin: Schletzer, 1935 [1999]. (In Engl.)
22. Wang, Shuo. Qing Imperial Women: Empresses, Concubines and Asin Gioro Daughters in Anne Walthall (ed.) *Servants of The Dynasty: Palace Women in World History*. University of California Press: Berkley, Los Angeles, London, 2008: 137- 158. (In Engl.)
23. Yue Du. Legal Justice in Eighteenth-Century Mongolia: Gender, Ethnicity, and Politics in the Manchu-Mongol Marriage Alliance. *Late Imperial China*, Volume 37 (2), 2016: 1–40. (In Engl.)

Received: February 24, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Namsaraeva S. B. Typology of Heqin Marriage Alliances: Manchu-Chinese and Manchu-Mongol Marriages during the Qing Dynasty // *Humanitarian Vector*. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 158–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-158-165.